

Толстой въ своемъ Обращеніи дерзко вызываетъ на состязаніе съ собою папъ, кардиналовъ, епископовъ, суперинтендентовъ, священниковъ, пасторовъ и все христіанское духовное сословіе и обличаетъ всѣхъ ихъ въ тенденціозной лжи и обманѣ; онъ утверждаетъ, что правда только у него, у Толстого; что у него и только у него, истинный разумъ, у него только нужно учиться истинѣ,— что вся Біблія, все Евангеліе—ложь, что вся церковная исторія, все ученіе церковное, всѣ соборы, всѣ вѣроопределѣленія, всѣ каноны вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцовъ—преднамѣренный обманъ. Милостивые государи и милостивыя государыни, мужескій и женскій полъ рода христіанскаго! Васъ всѣхъ хочетъ одурачить Толстой. Но вѣдь мы въ здравомъ умѣ, въ здравомъ смыслѣ, вся наша прожитая жизнь, наше сердце увѣряютъ насть, что мы знаемъ истину, что мы обрѣли вѣру истинную и спасаемся ею, утѣшаемся ею, и чаемъ жизни будущаго вѣка.— Чѣмъ же этотъ самозванецъ Толстой увѣритъ насть, что будто бы на его сторонѣ истина. Нѣтъ, Толстой—полный невѣжды въ отношеніи религіи. Онъ не знаетъ премудраго плана божественнаго домостроительного спасенія рода человѣческаго, не допускаетъ паденія первыхъ людей въ грѣхъ и не вѣритъ въ растлѣніе и омраченіе грѣхомъ всего рода человѣческаго, не вѣрюетъ въ пѣступство Божіе надъ падшимъ человѣчествомъ въ продолженіи тысячелѣтій и искупленіе его воплотившимся Сыномъ Божіимъ, и все то, что отвергаетъ Толстой, именно, религіозное обученіе дѣтей и знаніе ими исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, особенно нужно, какъ для Толстого, такъ и для всѣхъ дѣтей, а онъ, Толстой, этого-то, необходимаго, этой-то азбуки христіанской не знаетъ и являетъ собой религіознаго невѣжду, хотя нельзя не признать его романистомъ, а вмѣстѣ и ловкимъ извѣстнымъ краснобаевъ, умѣющимъ слагать красивыя по наружности и увлекающія недальновидныхъ въ анти-богословскія сѣти. Здѣсь съ Толстымъ, какъ съ умопомѣшаннымъ, у котораго *idée fixe*, нельзя говорить; онъ вѣритъ только въ себя и въ подоб-